

Покои Блейлока на “Сперанце” почти не отличались от тех, что располагались в самом центре кузни региона Кебрения. Обычно он не любил перемены ради перемен и считал адептов, которые утверждали, что это способствует творческому потенциалу крайне утомительными.

Он не нуждался во сне, аугметика черепной полости моделировала подобный процесс без потребности в кровати, а химикаты из цилиндра на спине обеспечивали питательные вещества и гормоны, которые намного превосходили те, что вырабатывались естественным путём.

Поэтому его личные покои являлись скорее мастерской, чем местом для отдыха и восстановления сил. Сутулые сервиторы стояли за спиной своего хозяина и бездействовали, а сам Блейлок сидел на укреплённом стуле у верстака, склонившись над деревянным прямоугольным предметом, изготовленным из древесины, которая была вполне уместна для палаты общения астропатов.

Он представлял собой квадрат со сторонами равными сорока пяти сантиметрам и покрытым ярко-красным блестящим лаком в тон пескам Марса. Созданный из генного образца вымершего калибанского дерева, известного, как нортвилд, которое по структуре и способности к обработке напоминало также вымершее красное дерево Старой Земли. Цвет поверхности равномерно потемнел за века, прошедшие с тех пор, как магос Альхазен подарил его Блейлоку после восхождения в Культ Механикус. Подобно и самому Блейлоку подарок выросел с точностью, которая казалась восхитительной для чего-то созданного из непредсказуемого органического вещества.

Тиснёная золотая надпись протянулась вдоль краёв, представляя собой сочетание комбинаций квантовых рун, бинарной стенографии и божественных порядковых чисел аспектов Бога Машины. Поверхность покрывали запутанные кривые и эллипсы, похожие на схемы и рисунки во вращавшемся планетарии, и именно по этим линиям Блейлок двигал дощечкой, вырезанной из того же самого дерева.

Альхазен называл это Марс Вольта, проводником к Омниссии, некогда любимыми культами Зифианцев, но Блейлок раньше никогда не пользовался им. Он не был уверен в мотивах своего выбора, но во время размышлений о проблемах вокс-связи с поверхностью, картина спрятанного в его покоях подарка сама собой всплыла из памяти.

Такие предметы впали в немилость у Механикус ещё века назад. Большинство хранилось у самых суеверных жрецов Марса всего лишь как антикварные вещи, но даже если существовал малейший шанс, что это поможет в наступивший трудный час, то Блейлок был готов рассмотреть любой вариант, сколь нелогичным тот ни казался.

Оставались считанные часы до запуска загруженных алхимическими сатураторами геоформирующих кораблей Криптаэстрекса, в огромных трюмах которых расположились многочисленные астронавигационные зонды-сервиторы Азурамаджелли. Реализация идей вышеупомянутых адептов по отдельности не приведёт к преодолению помех в атмосфере Экснихлио, но вместе они могли открыть непродолжительное окно с поверхностью.

Но даже два геоформирующих корабля могли обработать только ограниченную область атмосферы, приблизительно равную одной шестнадцатой планетарного объёма. Недостаточно, чтобы быть уверенным, что кто-то на поверхности сможет получить или отправить сигнал. Какая бы часть планетарной атмосферы ни была очищена, это должно произойти примерно над тем местом, где находился архимагос Котов, иначе он просто не сможет ей воспользоваться.

Азурамаджелли остался на мостике, посылая бесконечный град вокс-запросов на поверхность, в то время как Криптаэстрекс наблюдал за развёртыванием своих крайне сложных геоформирующих кораблей. Такие суда представляли собой неуклюжие конструкции, разработанные для нахождения на низкой орбите или во враждебной планетарной биосфере. А вот для чего они не были разработаны так это для выхода на геостационарную орбиту посреди хаотических электромагнитных штормов на границе мезосферы.

Блейлок тысячу раз до пикоскопических деталей изучил каждое орбитальное сканирование Экснихлио в поисках подсказок, куда лучше направить геоформеры. Ни один из аналитических инструментов в его распоряжении ни к чему не привёл: ни региона, где искажение было бы тоньше, ни малейшего намёка, что это конкретное место внизу лучше другого.

И таким образом дело дошло до этого. Он осторожно коснулся металлическими пальцами деревянной дощечки на Марс Вольта. Он понятия не имел с чего начать и выбрал одну из первых и самых простых молитв Богу Машине:

- Познанием я очищаю свою плоть от невежества.
- Изучением я увеличиваю свою силу.
- Технологией я почитаю Бога Всех Машин.
- Силой технологии я восхваляю славу Марса.
- Все превозносят Омниссию, ведущего нас по пути познания.

Прошли века с тех пор, как Блейлок произносил эти слова. Этому нравоучению учили едва удостоившихся аугметики послушников, и его успокаивающая простота понравилась фабрикатус-локуму.

И затем дощечка переместилась.

Изумление Блейлока было абсолютным. Он искренне не ожидал, что из решения спросить совета у Марс Вольта что-то выйдет. Блейлок уменьшил идеомоторные реакции, а его искусственная нервная система была неуязвима для таких вещей, но он так и не смог обнаружить сознательное управление движением своих рук.

Дощечка плавно перемещалась от одной группы цифр к другой. Блейлок наблюдал за ней с растущим чувством божественного восхищения, словно вернулась давно отсутствовавшая в его жизни святая цель.

Сервиторы задёргались, когда его инфоток поднялся от волнения. Наполнившая хозяина энергия коснулась их монозадачных мозгов, и они забормотали бессмысленную глоссолалию.

Руки Блейлока больше не принадлежали ему, они стали продолжением Бога Машины, проводником трансляции мудрости Омниссии из бесконечности в смертные миры. Числа продолжали сменяться до тех пор, пока дощечка, наконец, не остановилась посередине доски.

Блейлок убрал дрожащие руки с деревянного указателя.

Цифры запечатлелись в его разуме, точные и однозначные.

Блейлок активировал встроенный в верстак гололитический планшет, загрузил результаты планетарного сканирования Экснихлио, а затем ввёл только что увиденные строки чисел.

И засветился сектор орбитального объёма планеты.

Рудовоз был не самым худшим видом транспорта, на котором Робауту пришлось путешествовать. Эта честь принадлежала санитарной “Химере” с разрегулированным гусеничным агрегатом и фильтром воздуха, который невнимательный технопровидец случайно подключил к отстойнику биоотходов.

Но он был вторым.

Павелька сидела за системой управления, архимагос Котов подключился рядом с ней. Оба протянули механодендриты до стены кабины за спиной и использовали простую логическую машину рудовоза в качестве посредника для аккуратного изучения местной ноосферной сети.

Кадянцы и Чёрные Храмовники ехали в пустом кузове, держась за всё, что только возможно, чтобы не вылететь из-за постоянной тряски импровизированного транспорта. Ариганна Ледяной Клык наотрез отказалась, чтобы её воины ехали в рудовозе, словно домашний скот.

– Мы побежим пешком, – сказала Бьеланна, когда возражения эльдаров едва не привели к вспышке насилия. – Мы не отстанем, архимагос Котов. Не беспокойся.

Робаут сидел рядом с Павелькой и Котовым, и смотрел сквозь навес из бронированного стекла на невероятные виды снаружи кабины. Время от времени он доставал компас астронавигации, и каждый раз убеждался, что стрелка указывала на универсальный транслятор.

- Вы доверяете этой вещи больше чем проложенному мною маршруту? - спросила Павелька.

- Никогда не помешает иметь второе мнение, - ответил Робаут, постучав по стеклу компаса. - Кроме того, он согласен с вами.

Их путь сначала пролегал по лабиринту храмов-кузниц и генераторий, но затем сменился бесконечным лесом устремившихся в небеса широких электрических опор. Все без исключения решётчатые башни из мерцающей стали напоминали пока не облачённые в камень сталагмиты. Высоко над путешественниками протянулись изящные параболы искрящихся кабелей, пересекаясь в гордиевых узлах, распределительных коробках и трансформаторных центрах. Шипящая энергия неустанно бежала по ним, капая ручейками расплавленного металла. Робаут не сомневался, что если рудовоз заденет хотя бы один из них, то всех на борту ждёт мгновенная смерть.

Статика потрескивала на каждой металлической поверхности кабины, поэтому Робаут крепко прижал руки к коленям, пока имперцы пересекали этот сверкающий лес стальных конструкций.

Впереди надо всем нависала башня универсального транслятора. Оказавшись ближе, Робаут смог по-настоящему оценить колоссальный масштаб устройства. На фоне других огромных сооружений было непросто оценить её высоту, но по оценкам Робаута она превышала три километра. Рудовоз пожирал расстояние, и Павелька уверенно объявила, что если не произойдёт ничего непредвиденного, то они окажутся у основания башни через двадцать одну минуту.

- Я искренне верил, что Омниссия привёл меня сюда, - произнёс Котов, глядя на универсальный транслятор. - Каждый этап поисков казался благословенным знаком, подтверждением, что я на правильном пути. Как я мог знать, к чему это приведёт? Разве я виновен в безумии Телока?

- Вы трактовали знаки так, как хотели, - ответила Павелька, печально покачав головой. - Архимагоса Адептус Механикус погубила предвзятость подтверждения. Это было бы почти забавно, если бы не ужасная угроза, которую вы выпустили.

- Знаки привели сюда, - возразил Котов. - Мы нашли Телока. И если бы не я, то кто-то другой нашёл бы его, в конце концов.

- В таком случае я уверена, что Империи простит вас через несколько тысяч лет, - с горечью сказала Павелька. - Если только Телок не переделает его к тому времени по собственному подобию.

К удивлению Робаута, Котов не поддался на укол Павельки.

Вместо этого он задумчиво кивнул и сказал:

- Вы знаете, что многие годы Телок был для меня героем? Его ранние работы были воистину превосходными – даже провидческими. Он был новатором Механикус, пока одержимость Дыханием Богов не поглотила его исследования. Некоторые полагали, что он может стать генерал-фабрикатором.

- Если мы его не остановим, он всё же вполне может им стать, – заметил Робаут. – И знаете, как говорится, никогда не стоит встречаться со своими героями. Они никогда не будут соответствовать вашим представлениям о них.

- Звучит так, словно вы говорите исходя из личного опыта, господин Сюркуф.

- Из личного опыта, – согласился Робаут. – Я был на Дамносе и встретил человека, которого идеализировал много лет. И всё обернулось не совсем так, как я надеялся.

Павелька и Котов замолчали. Оба прекрасно слышали об ужасных войнах, бушевавших на том загубленном мире.

- Вы принимали участие в освободительной кампании Ультрадесанта? – спросил Котов.

- Нет, я был там, когда он пал, – ответил Робаут. – Тогда я служил младшим офицером Флота и был среди флотилии, которая совершила десятки спасательных полётов в Келленпорт. К моменту нашего появления планета была уже потеряна, и предстояло эвакуировать десятки тысяч людей с её поверхности.

Робаут замолчал, видя в Экснихлио отражение чудовищных небес над космопортом. Перед полуприкрытыми глазами всплыла картина яростных сражений, бушующих у многочисленных ворот Келленпорта: тысячи ужасных ксеносов с серебряной кожей и небольшие группы непреклонных героев в кобальтово-синей броне.

- В награду за эвакуацию гражданских пилоты десантных кораблей были удостоены аудиенции с командующим Ультрадесанта, воином по имени Катон Сикарий. Конечно же, я знал о нём. Кто в Ультрамаре не знал? Я знал о каждой битве, в которой он участвовал, каждой одержанной им победе и изучил все написанные им тактики. Я не мог дождаться встречи с ним.

- Он не оправдал ваших ожиданий?

- Дамнос был потерян с самого начала, – вздохнул Робаут. – Никакая сила в Империуме не выиграла бы ту первую войну. Мы спасли от неминуемой смерти больше тридцати тысяч человек, что уже само по себе было победой, но Сикарий считал иначе.

- И как же он считал?

- Он считал, что он проиграл. Что он был побеждён, - ответил Робаут. - Не Ультрадесант. А лично он. Его не интересовала встреча с нами, но кто-то вышестоящий над ним, видимо, настоял на ней. Спустя несколько месяцев после того, как мы покинули Дамнос, илот сопроводил нас на одну из тренировочных палуб, где Сикарий был занят уничтожением десятков боевых сервиторов. Он поблагодарил нас сквозь зубы и посмотрел на нас так, словно мы предали его, участвуя в эвакуации вместо того, чтобы сражаться.

- Возможно, вам стоило рассказать мне эту историю до начала нашего путешествия?

- Возможно, и стоило, - согласился Робаут. - Это что-то изменило?

- Скорее всего, нет, - признался Котов. - Я не тот человек, который привык менять решения.

- Архимагос, мы остановим его, - сказал Робаут. - Телок, мы остановим его.

Котов нахмурился и покачал головой:

- Я восхищаюсь вашим оптимизмом, господин Сюркуф. Несомненно, оно является результатом вашего ультрамарского воспитания и подтверждает превосходство духа над телом. Но вы слышали Телока. Как мы можем надеяться скрыться на созданном им мире? Нет, по моей оценке мы будем мертвы самое большее через шесть часов.

- Не будем, если продолжим двигаться, - возразил Робаут. - Мы заставим эту башню транслятора заработать. Тогда мы сможем получить помощь со "Сперанцы".

- Помощь со "Сперанцы"?

- Если мы очистим атмосферу для вокс-связи, то сумеем очистить её и для пролёта подкреплений. Поверьте мне, после приключений в атмосфере Келленпорта я могу утверждать, что любой толковый пилот легко сумеет добраться до нас. Нам нужно только продержаться до этого времени.

Котов странно посмотрел на него, всем своим видом показывая полное замешательство:

- Подкрепление? Нет, об этом не может идти и речи.

- О чём вы говорите?

- Господин Сюркуф, если у нас получится связаться с магосом Блейлоком, то первым моим приказом станет увести "Сперанцу" от этой планеты настолько далеко, насколько он сможет.

Купол картографии всегда являлся святилищем для Виталия Тихона, тем местом, где вселенная обретала смысл. Движения галактик, звёзд и планет выстраивались в тщательно организованный балет, при взгляде на который легко было обмануться и увидеть руку творца, а не красоту фундаментальных универсальных законов.

Он и Линья провели годы семейного созерцания в подобных местах. От гравитационно-волновых обсерваторий высоко на горе Олимп до галерей Кватрии они всматривались в самые дальние пределы вселенной в поисках необъяснимого.

Эксплораторы разума, как любила говорить Линья, когда мягко меняла тему разговора после его предложений занять должность картографа на корабле Механикус. Нельзя сказать, что он хотел, чтобы она ушла, но он и не хотел отказывать ей в возможности отправиться к чудесам, которые они видели.

Без энтоптических картин окружающих звёзд полусферический купол выглядел аскетичным местом, полированные наклонные стены которого принадлежали холодному голому металлу и эху. Стальной пол украшало вытравленное кислотой изображение, разумеется, в форме шестерёнки, и Виталий шагал по нему, словно заключённый.

Виталий считал себя выше мелочного понятия мести, но действия на мостике “Сперанцы” показали, насколько уязвимой добычей он оказался для мышления первого уровня. Адара Сиаваш заплатил за его ошибку жизнью. Юношу убила Галатея, но это не помешало тяжкому бремени вины опуститься на плечи Виталия.

Как он мог отомстить за Линью, когда то небольшое, что от неё осталось, фактически стало заложником и находилось под угрозой исчезновения? Какой отец позволит убийце дочери жить, пока он ещё дышит?

Виталий полагал, что его тело не способно к физическому проявлению горя, но ох, как же он ошибался. Каждый раз, когда возникало особенно яркое воспоминание о Линье, желчные извержения в инфотоке посылали болезненные потоки по рукам и ногам и вырывались грубыми животными криками потери из аугмитов.

– Часть меня хотела бы, чтобы я ничего не чувствовал, – сказал он пустому куполу. – Находиться настолько далеко от человечности, чтобы твоя утрата ничего не значила бы. И затем я вспоминаю тебя... и хочу стать обычным человеком, чтобы скорбеть, так как и должен скорбеть отец...

Задуманная всего лишь как генетически идентичная замена, в лучшем случае помощник, но мутации с вероятностью миллиардов к одному преобразовали клеточную культуру его ДНК в воистину исключительного человека. Объединив лучшее от Виталия с собственной уникальностью, Линья смешала все его ожидания и превзошла во всём.

Он давно отказался от полученных при рождении глаз, но в даже малейшей черноте каждого окулярного цикла он видел Линью.

...ещё мокрого младенца, которого только что достали из резервуара с питательными веществами.

...рано развившегося ребёнка, поправлявшего наставников в Схолах Экселс.

...вступавшую в Культ Механикус на склонах горы Фарсида.

Но больше всего Виталий помнил её, как маленькую Линью, свою любимую дочь.

Красивая и яркая, она противилась любому внешнему давлению соответствовать общепринятым моделям поведения Механикус. Она шла своим путём и творила свою судьбу. Линья собиралась потрясти адептов Марса до самых основ.

Убийственная операция Галатеи навсегда оборвала подобную возможность.

Машинный гибрид разрушил что-то прекрасное и ради чего? Своего развлечения? Желания причинить Виталию боль?

Оба варианта возможны. Он сомневался, что Галатея нуждалась в мозговой ткани Линьи для действительно великой цели.

– Ты говорила, что пересекла с нами Шрам Ореола, чтобы убить Телока! – крикнул Виталий куполу. – Вот для чего тебе нужна моя Линья!

Его крик отразился от холодных стен купола, звеня в обвиняющем эхе. Виталий опустился на вытравленный череп и обхватил голову. Он хотел заплакать, хотел обладать какой-нибудь биологической возможностью выплеснуть горе, каким-нибудь способом освободиться от того, что чувствовал.

Он не сразу увидел свет.

Только когда тонкий луч инфосвета привёл в действие его пассивные загрузочные рецепторы, Виталий в замешательстве посмотрел вверх. Он обернулся через плечо и увидел только тёмную и холодную кафедру управления. Её дух спал.

Тогда почему под центром купола висела мерцающая завеса света? Виталий поднялся и позволил содержащимся в свете данным окутать себя. Инфоток запульсировал с ударом нервного возбуждения, узнав показываемую систему.

Кватрия.

Слабая, едва видимая.

Виталий неуверенно направился к свету, страшась и надеясь того, что именно могло означать это видение любимой Кватрии. Гексаматические вычисления потекли вокруг планетария света, комплексные уравнения почти за пределами его понимания. Он знал принципы этого таинственного геометрического бинарного кода и обладал необходимыми преобразовательными имплантатами для его обработки, но всегда оставлял такой способ общения...

- Линья? - спросил он, принадлежавшая Механикус часть разума обругала его за то, что он даже допустил такую мысль.

Единственным ответом стало эхо.

Виталий протянул руку к свету.

Тот расцвёл вокруг него во взрывном ярком великолепии. Звёздный туман и свет окружили его удивительными эллипсами планетарных орбит, сверкающих туманностей и импульсами отражённого света солнц, которым уже были века.

И там была она, стоявшая в медленной параболе самой Кватрии, именно такая, какой Виталий её помнил. Нетронутая огнём, забравшим ноги и сплавившим кожу с костей. Снова целая. Без малейших следов кошмарных эксцизий Галатеи.

Она улыбнулась и то, что осталось от его сердца, разбилось снова.

- Линья... - произнёс он, вопреки всему надеясь, что не страдал от какой-то жестокой вызванной горем галлюцинации или утечки инфотока в черепную впадину.

Отец.

Нет. Тон голоса. Теплота. Небольшой подъём в уголке рта и складки кожи под глазами. Всё это сказало Виталию, что перед ним действительно Линья.

- Линья, Аве Деус Механикус... мне так жаль, - прорыдал он, но дочь подняла руку. - Я...

У меня мало времени, отец. Нейроматрица Галатеи всеобъемлющая и скоро она обнаружит это сообщение. Гексаматика - вот как мы победим её.

- Я не понимаю. Причём здесь гексаматика?

Она не может обрабатывать её. Она не знает как. Вот почему я могу сейчас говорить с тобой.

Виталий пытался разобраться в своих противоречивых чувствах. Аналитическая часть мозга признавала, что Линья пошла на риск, проецируя себя в это пространство, но отцовская часть хотела задержать её и сказать, как сильно он соскучился.

- Я не могу сражаться с Галатеей, - сказал он.

Ты должен, ты не можешь позволить ей существовать. Она - слишком опасна.

- Она сказала, что уничтожит твою сущность, - объяснил Виталий. - Я не могу так рисковать. Я не потеряю тебя дважды.

Выражение лица Линьи смягчилось, и она протянула руку. Виталий попытался взять её, и на мгновение показалось, что он почувствовал частичку биологической обратной связи от света.

Но ощущение исчезло, не более реальное, чем голограмма.

Кузня "Электрус". Ты должен найти её, она - ключ.

- Не понимаю. Ключ к чему?

Там ты найдёшь того, чей свет может ранить Галатею в инфопространстве, того, кто может помешать ей увидеть то, что я собираюсь сделать.

Виталий кивнул, хотя он так и не понял, о чём говорила Линья.

- Кузня "Электрус", - произнёс он. - Да. Конечно. Что-то ещё?

Прежде чем она успела ответить, Линья оглянулась через плечо с выражением тревоги на лице от чего-то невидимого.

Я люблю тебя.

И затем она исчезла.

В теории каждый из тиндалосов был равным, но теория и действительность очень отличались. Первый пробудившийся охотник Телока всегда был лидером этой стаи, даже ещё до того, как она стала стаей. Он появился на несколько веков раньше остальных, когда тайна его создания ещё являлась ревниво хранимым секретом.

Его тело было больше, а на броне виднелись следы ремонта с тех времён, когда ему требовался подобный уход. Его нейронная сеть представляла собой симбиоз эвристических убийственных моделей действий и автоматизированных механизмов распознавания образов. Он не был задуман, как обладавший способностью к автономному мышлению, но повторявшиеся частотные процессы его супрамолекулярной системной архитектуры быстро эволюционировали к обладающему самосознанием мышлению.

Его имя стало результатом случайной десятичной запятой в рамках сверхскоростной когнитивной эволюции, словно песчинка, попавшая в устрицу. Благодаря этой арифметической ошибке имя само собой возникло в его зарождавшемся самосознании.

Он назвал себя Водан.

Раньше он охотился один. Он уничтожил огромный орбитальный искусственный интеллект Винтерблейнда и вырвал сердце Связующего Императора на планете, которая станет известной, как Фортис Бинари. Но, как и большинство вещей на войне, особенно новые и эффективные формы массового убийства, то, что некогда являлось уникальным, быстро становилось почти повсеместным. Враги его умерших эпохи назад хозяев разработали своих гончих ада, и распространение столь смертоносных убийц положило конец забытому конфликту, ради которого их создали. Как можно воевать, если любого командующего выследят и убьют спустя несколько часов после вступления в должность?

Но, несмотря на завершение войны, джин уже вырвался из бутылки и не желал возвращаться. Некоторые однажды пробуждённые виды голода никогда не получится утолить полностью. Гончие ада самостоятельно пополняли списки убитых и вели личные кампании уничтожения.

Недавно объединившиеся создатели гончих ада, наконец, заманили свои творения в ловушку внутри автоматизированных космических скитальцев, лишённых жизни или реальной добычи. Они швырнули их в сердца звёзд и приложили все усилия, дабы забыть о существовании порождённых ими чудовищ.

Неисправное приводное устройство спасло несущее Водана судно от неминуемого уничтожения. Покинув границы его бывшей империи, он в любом случае больше не угрожал своим создателям, и их больше не заботила его участь. В результате он на бесчисленные тысячелетия оказался заперт в ледяной могиле, которая медленно разрушала и разъедала саму сущность гончих ада, пока их не осталось всего шесть.

Вероятность того, что скиталец достигнет зоны космических испытательных полигонов Телока и будет замечен, являлась воистину астрономически малой. Обнаружение холодной плиты фактически инертного металла в необъятном космосе казалось почти невозможным, но звёздные исследования при подготовке к активации Дыхания Богов требовали предельной точности.

Таким образом, дрейфующий космический скиталец был спасён внутрисистемными флотами Телока и тиндалосы снова стали использоваться по прямому назначению в качестве охотников-

убийц.

Шесть из них ворвались в центр распределения подобно устремившимся к земле сверкающим кометам, вытянув когти и каждым импульсом ауспика отслеживая кодовый след, вырванный из "Громового ястреба". Запах уже исчезал, и с каждой проходящей секундой их боль росла в прямом ответе.

Судя по невероятно сложной планетарной планировке Экснихлио, это место называлось центром распределения Ро A113/235, но Водана и его тиндалосов не заботили имена.

Их вёл только голод.

Всё их естество желало испытать код добычи. Их кости стали разбитым стеклом, которое мог восстановить только свет добычи. Их разумы пылали от огня, который могла потушить только смерть добычи.

Мысленным импульсом Водан повёл тиндалосов по центру распределения, петляя между громыхавшими рудовозами, взбираясь на покрытые налётом силосные башни и огибая бункеры с материалами. Сотни сервиторов игнорировали охотников, в бесконечных циклах рабства взгляды их остекленевших глаз были зафиксированы только на том, что требовалось для исполнения обязанностей.

Тиндалосы разбили зона поиска на четыре части и приступили к прочёсыванию.

Запах добычи был здесь, они все его чувствовали.

Он парил мимолётными намёками в каплях инфотока. Охотники ощущали оставленные частички кода там где механодендриты добычи касались стен.

Водан собрал миллион микроскопических следов, создавая ментальную карту добычи и её передвижений. Он искал шаблоны, траектории и расхождения. То, что отсутствовало, могло сказать столь же много, как и найденное.

Он выпрямился на крючковатых ногах, позволив данным затопить своё охотничье сердце. Мысленные крики братьев эхом отзывались в черепе, моля утолить голод. Словно они что-то знали о настоящем голоде. Водан убивал королей и императоров. Они же познали всего лишь безвкусные и пресные убийства меньших существ.

Они просили и выли, отчаянно желая утолить голод.

Водан проигнорировал их и устремился туда, где группа сервиторов работала лопатами у котлована с рудой. Последний след добычи задержался здесь, сильный там, где коснулся одной из машин хозяина.

Водан поднялся над людьми-киборгами, его изогнутый позвоночник замерцал микроскопическими датчиками размером с ресницу. Котлован для руды был пуст, но сервиторы всё равно продолжали махать лопатами, монозадачные подпрограммы явно считали, что он заполнен.

Мгновенная инвентаризация записей центра показала, что отсутствовал один из транспортных рудовозов. Ноосфера не содержала никаких сообщений о неисправностях, никаких загруженных списков о текущем ремонте или передаче.

Отсутствие транспортного средства не было санкционированно. Его угнали.

Водан вытянул шею с удлинённым черепом, когда позади сервиторов появились два его спутника. В сравнении с Воданом они едва ли могли считаться даже щенками. Новые машинные души.

Хотя их внешность тысячелетиями оставалась неизменной, они выглядели худощавыми и изголодавшимися. Они кружили вокруг сервиторов, толкая их головами и рассекая морщинистую кожу быстрыми щелчками заканчивавшихся лезвиями пальцев.

Добыча коснулась этих существ-киборгов. Произошёл перенос. Гончие ада жаждали убить их и вкусить крупцы аромата.

Водан щёлкнул зубами и зашипел на математическом языке из времён до-Механикус, принадлежавшем машинам ксенорасы:

Не Убивать. Плохое Мясо.

Они зашипели в ответ, озлобленные и обиженные, но послушные. Сервиторы продолжали свою бессмысленную работу над котлованом руды, не обращая внимания на отвратительный аппетит круживших возле них охотников.

Запах добычи двигался через центр, и Водану было совсем несложно теперь следовать за ним, когда он знал, что искать. Добыча воспользовалась транспортом, грубой и шумной машиной, которая почти скрыла аромат. Это сделали специально?

Могла ли добыча знать о преследовании гончих ада?

Нет. Транспорт использовался просто для передвижения.

Водан опустил на многочисленные конечности и начал бесшумно скользить по центру “восьмёрками”, отсеивая мешавшие запахи Экснихлио и триангулируя вероятный курс добычи. Прерывистая красная линия протянулась над землёй снаружи, словно потоки дыма в вулканической пещере.

Он повёл головой, когда услышал визг разрываемого металла и глухой мясной звук пронзивших плоть когтей. Два предупреждённых им тиндалоса нависли над разрушенными останками пары сервиторов. Первая гончая ада расчленила киборгов, словно ликующий мясник.

Плоть являлась для них бесполезной материей, зато металлические улучшения теперь стали открыты. Ржаво-красный выступ из черепа гончей ада всосал код, подобно падальщику, который выдавливал мозг из кости.

Водан устремился к непослушному тиндалосу. Символы угрозы сверкали вокруг него, и уцелевшие сервиторы отступили от визжащего гнева. Даже они поняли, какая ужасная угроза исходила от этого существа.

Он врезался в наблюдавшую гончую ада.

Удар был свирепым. Металл прогнулся, когда существо отлетело назад.

Перекрывающие рёбра пластины разорвались и прогнулись внутрь, а две ноги отломились. Тиндалос взревел, но покорно склонил спину, и в этот момент сверкающие изумрудные дуги света замерцали под повреждёнными участками. Пластины рёбер начали разворачиваться, новые конечности уже вытеснялись из архаичного тела.

Удовлетворённый, что щенок не нарушил свой гейс, Водан повернулся, собираясь прервать насилие пирующей гончей.

Но было уже слишком поздно.

Тиндалос задёргался, алые линии протянулись по его бьющемуся в судорогах телу, словно жгучая инфекция. Он взвыл, когда запрещающая сила гейса Телока взорвалась беспорядочной разрушительной бурей. Древние технологии в его теле расплавились в чёрный шлак, триллионы биосинтетических нервов и корковых синапсов вспыхнули, словно фульминат.

Тончайший чёрный пепел посыпался из тела инертной машинной кровью.

Гончая ада буквально развалилась по швам, послышался звон деталей, когда её серебристо-стальные части начали падать в рудный котлован. Блестящий металл почернел, когда протоколы самоуничтожения выпустили ультрабыстрые организмы феррофага в атомную структуру, что буквально омертвило тело и превратило в прах.

Тиндалосы собрались вокруг Водана. Он показал им красный след добычи. Они дрожали и щёлкали зубами, нетерпеливо желая броситься по следу к его источнику, но он быстро остановил их, заставив наблюдать за тем, как ветер разносит пепел их брата.

Плохое. Мясо.

Котов хорошо разбирался в агрессивных машинах и неуступчивых кодах, но бинарные системы универсального транслятора оказались одними из самых запутанных, с которым он когда-либо сталкивался. Гудящие рои машинного языка скрывались в глубинах системной архитектуры и без необходимых кодов доступа Котов не мог запустить обряды пробуждения в командных уровнях консоли.

< Может вы и безумный гений чистого зла, Телок, но вы создали ужасный код. >

< Согласна, > произнесла Павелька с другой стороны центра управления.

Центр управления располагался в пятистах метрах над уровнем земли, на вершине центральной колонны, которая поднималась внутри огромного полого цилиндра универсального транслятора.

До входа в транслятор они добрались без происшествий, а широкое основание грандиозного сооружения пронизывало множество округлых арок. Внутри башня представляла собой немногим больше чем колоссальный дымоход, вдоль стен которого протянулись алюминиевые трубы не менее семи метров в диаметре. Они устремлялись вверх, соединяясь с огромными вентиляционными механизмами и фильтрующими устройствами, пока не исчезали из вида.

Имперцам пришлось оставить рудовоз прямо за одной из арок. Пол башни был фактически забит запутанным лабиринтом ревущего оборудования, фильтров и вакуумных насосов. Воздух гудел от пульсации бьющегося сердца башни и клубов сернистых паров, выдыхаемых каждой машиной. Создавалось впечатление, что перед ними армия спящих зверей, которые только и ждут, когда неосторожный нарушитель разбудит их.

Эльдары сдержали слово. Как раз когда Чёрные Храмовники и кاديанцы входили в универсальный транслятор, Бьеланна и её воины появились из-за ближайшего оборудования, словно просто ждали их появления.

Каждая поверхность внутри башни блестела влагой, а воздух стал душным из-за тяжёлых паров. Белый осадок скапливался на открытых участках железа и камня, и там, куда он капал, вырастали похожие на стекловидные зубы сталагмиты.

В центре зала возвышалась колоссальная колонна, вокруг которой по крутой кривой поднималась эстакада до высоты в полкилометра. И на вершине этой эстакады располагался активационный центр универсального транслятора, круговая галерея с эллиптическими мостками, ведущими в другие башни и сооружения снаружи.

В центре активационного центра стоял круглый механизм управления, изобиловавший медными дисками, консолями с мигающими драгоценными камнями и множеством рычагов с железными ручками, которые не отличались от тех, что можно было встретить на мостике

“Табулария”. Сколь архаичным ни выглядело это устройство активации, Котов с облегчением увидел, что, по крайней мере, центр оснащён разъёмами загрузки/выгрузки.

Пока воины высматривали признаки преследования, Котов и Павелька подключились к центру управления. Котов сказал Танне, что верит, что сможет активировать универсальный транслятор, но теперь у него появились сомнения.

< Машины Телока воинственные, > сказал он Павельке в общем ноосферном пространстве центра. < Их духи напоминают побитых дворняжек, которые боятся откликнуться на чужой зов. >

< Они никого не знали кроме Телока, > ответила Павелька. < Один Омниссия знает, сколько столетий прошло с тех пор, как они чувствовали чужое прикосновение. Они стойкие, но не несокрушимые. >

Мало способов общения являлись столь же чистыми, как общение внутри машины. Общение смертных представляло собой неэффективное сочетание звуковых и соматических сигналов, когда значительная часть неотъемлемого значения зависела от предшествующего опыта, невербальных интонаций и ситуативных маркеров.

В диалогах Механикус не было места подобной двусмысленности.

Войти в общение с другим магосом означало узнать его столь же глубоко, как возлюбленную ну или, по крайней мере, так говорили Котову. Сокровенные мысли становились доступными, хотя только настоящий грубиян выйдет за пределы обычных границ общения, чтобы узнать все тайны товарища-магоса. Эти потоки информации являлись взаимными, и что делал один, мог сделать и другой.

Поэтому Котов не стал вторгаться дальше символов осуждения, которые прочитал в ноосферной ауре Павельки. Архимагос Адептус Механикус обладал правом знать всё о тех, кто служил под его началом, но ни время, ни место не подходили для того, чтобы воспользоваться этой привилегией.

< Постарайтесь не позволять отражённой боли раны отвлекать вас от просьб кодам активации пробудиться, > сказала Павелька.

< Легче сказать, чем сделать, > произнёс Котов, и добавил бинарное ругательство, когда активационные коды башни уползли ещё глубже в ядро машины. < В любом случае это не влияние какой-то фантомной боли. >

< Тогда что же? >

Котов ответил не сразу, любое признание неудачи для него было настоящей анафемой:

< То, что я столь полно потратил впустую десятилетия своей жизни на поиски того, что никогда не стоило находить. >

Павелька проникла глубже в машину, прикосновения магоса были лёгкими и уговаривающими. Её бинарный код оказался таким нежным и обворожительным, что машина ответила. Котов сформировал сопоставительные алгоритмы команд со своими символами власти.

Здесь требовались более нежные формы контроля.

< Все мы совершаем ошибки, архимагос, > сказала Павелька. < Не важно сколько в нас аугметики, не важно насколько мы приблизились к союзу с машиной – мы всё ещё люди. Иногда стоит напоминать себе об этом. >

< Многие среди Механикус не согласились бы с вами, > заметил Котов. < Более того, несколько часов назад я не согласился бы с вами. >

< Возможно, именно поэтому у меня немного друзей в нашем ордене. >

< Это помогает? >

< В чём? >

< В сохранении некоторой... связи, скажем так. Насколько я понимаю, именно поэтому вы предпочитаете компанию вольного торговца? >

< Нет, > ответила Павелька. < Я путешествую с Робаутом, потому что он спас мне жизнь. Потому что я должна ему больше, чем смогу когда-либо вернуть. >

< Звучит как история, которую я однажды хотел бы услышать. >

Присутствие Павельки внутри машины слегка уменьшилось, и Котов задумался, не перешёл ли он какую-то неизвестную черту. Затем внимание Павельки вернулось к текущим вопросам:

< Если мы проживём дольше, чем вы прогнозировали, то я могу рассказать её, > ответила она.

< Ловлю на слове, магос Павелька. >

< Вы понимаете, что если нам удастся активировать эту машину, то Телок немедленно узнает об этом? >

< Едва ли это имеет значение, > сказал Котов. < Главное успеть отправить сообщение

Блейлоку. >

Павелька показала, что понимает, и Котов был рад, что она видела логику в его решении отослать "Сперанцу".

< Посмотрите на машину, архимагос, > произнесла Павелька.

Котов почувствовал, как необходимые коды поднялись к поверхностным уровням центра, паутины логарифмических последовательностей для активации расположенного далеко внизу оборудования. Он изучил каждую и любые надежды на то, что их отчаянный план сработает, пошли прахом, когда он увидел, что их окутывали нелинейные блокировки.

< Вы видите? > спросил он.

< Вижу, > ответила Павелька. < И что теперь? >

< Ничего, > сказал Котов. < Эти блокировки отключаются только с помощью правильной бинарной последовательности паролей. Нет никакой возможности преодолеть их без прерывателей криптос класса. >

Котов почувствовал виноватое колебание Павельки. Мало что можно было скрыть друг от друга в пространстве общения разумов.

< Магос Павелька? >

< Есть один способ, > сказала она, < но сначала вам нужно отключиться от центра. >

< Что? Почему? >

< Потому что это будет опасно, > пояснила Павелька.

< Я готов встретиться с опасностью, магос Павелька. >

< Опасно для меня, архимагос. >

< Разве я не могу помочь? >

< Нет, вы должны разорвать соединение. Другого способа не существует. >

< Вы можете взломать эти нелинейные блокировки? >

< Могу, но вы не должны быть соединены с машиной, пока я делаю это. >

< Я не понима... >

< Просто сделайте это! > сказала Павелька и связь Котова с машиной резко оборвалась, а разум вышвырнуло в пространство высших чувств. Механодендриты выскользнули из консоли, и он отшатнулся, внезапно почувствовав опасность в плане Павельки и желая немедленно использовать своё право увидеть первопричину её осуждения.

- Всё в порядке, архимагос? - спросил Робаут Сюркуф.

Котову потребовалось некоторое время, чтобы перестроиться и вернуть способы общения к голосу из плоти.

- Не уверен, - ответил он.

- Вы сказали, что можете заставить эту машину работать, - заявил Танна.

- В обрядах активации оказались блокировки, сержант Танна, - сказал Котов. - Надёжнее всех, что вы можете представить. Я не могу взломать их, но магос Павелька уверяет, что может.

- Вы не можете взломать их, а она - может? - переспросил Танна.

- У Иланны много козырей в рукаве, - произнёс Сюркуф, и Котов задумался, знал ли вольный торговец, какие тайны скрывала Павелька.

Не успел Сюркуф договорить, как панель управления заработала, разразившись взрывом ревущей статики и мерцающего света. Искры вырвались из загрузочных разъёмов, а в ноосфере раздался неистовый вой обманутых духов-машин.

Котов покачнулся. Резкий шип боли пронзил его затылок. Он опустился на колени, испытывая головокружение и дезориентацию от внезапной бинарной атаки.

Павельку отбросило от панели управления, за механодендритами протянулись потрескивающие дуги молний. Сюркуф подбежал к ней, когда она врезалась в перила.

Если бы он не схватил её за мантию, Павелька упала бы.

Котов сморгнул потоки искажённого бинарного кода, изливавшиеся водопадом перед его зрением, подобно цифровым слезам. Он чувствовал себя так, словно всё тело пронзил случайный разряд электрического тока. Возникло болезненное ощущение тошноты.

- Что вы сделали? – потребовал ответа Котов. – Аве Деус Механикус, что вы сделали?

- То, что должна была сделать, – сказала Павелька.

Вкус желчи и горький электрический привкус заполнили рот Котова. Обратный поток инфотока. Архимагос был настолько близок к тому, чтобы его вырвало, насколько только мог быть близок адепт Механикус. Он знал только об одной вещи, которая могла вызвать такое отвращение благословенных машин.

- Скрапкод? – прошипел Котов. – Вы храните скрапкод? Неудивительно, что вы носите символы осуждения! Спаси нас Омниссия от тех, кто балуется теневыми искусствами! Вы не лучше, чем Телок!

- Это – не скрапкод, – возразила Павелька, всё ещё опираясь на Сюркуфа, чтобы не упасть. – Это – гексаматический дизассемблерный язык, который я создала для разрыва связи между машиной и её движущим духом.

- И зачем вы изобрели такое проклятье? – спросил Котов, выплюнув слово изобрели, словно оскорбление.

Павелька проигнорировала вопрос и сказала:

- Вы хотели снять блокировку. Вы её сняли. Если вы всё равно считаете, что все мы здесь умрём, то какая разница, как я сделала это?

Котов справился с гневом и невыносимой болью в висках, и в это время машины внизу заработали под грохот вращавшихся шестерёнок и оглушительный рёв моторизованных фильтров. Высоко наверху огромные вентиляционные механизмы начали поворачиваться, втягивая колоссальные объёмы загрязнённой атмосферы планеты.

Верхнюю часть башни затянул туман, когда бесчеловечно огромное оборудование под основанием башни начало непостижимый процесс восстановления повреждений, вызванных промышленностью планетарного масштаба.

- Башня активирована, – произнёс Танна. – Отправляйте сообщение.

Котов кивнул, подавил вызванный поступком Павельки ужас, и начал пересылать по воксу повторявшийся инфопоток Таркису Блейлоку на “Сперанцу”.

- Архимагос, – сказал Сюркуф, посмотрев через край платформы на основание транслятора. – Что бы вы там не делали – делайте это быстрее. У нас гости.

Глоссарий:

Arc-Nexus Emperor – Связующий Император

Datascape – инфопространство

Geas – гейс

Mars Volta – Марс Вольта

Scholam Excelsus – школы Эксцелс

Tindalosí – тиндалосы

Winterblind – Винтерблейнд

Zethist cults – культы Зифианцев

<http://tl.rulate.ru/book/30591/659623>